

Е. В. Анисимов

Митрополит Иов, Петр Великий и Новгород

Известно, что петровские преобразования потрясли тогдашнее общество своей внезапностью, радикализмом и жестокостью. Не было сферы русской жизни, которой бы не коснулся неистовый преобразователь. Естественно, не обошел он и церкви, принесся в ее существование столько нововведений, сколько она не знала во всей своей истории. Важно, что Петр подавал церковную реформу как богоугодное дело богобоязненного монарха, озабоченного исключительно исполнением своего христианского долга: «Между многими, – читаем мы в указе 1721 года, – по долгу богоданными нам власти попеченьями о исправлении народа нашего..., посмотря и на духовный чин и видя в нем много нестроения и великую в делах скудость, несуетный на совести нашей возымели страх: да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая от него получив благопоспешества во исправлении как воинского, так и гражданского чина, пренебрежем исправление и чина духовного. И когда нелицемерный Он, Судия, спросит от нас ответа о толиком нам от Него врученном приставлении, да не будем безответни»¹. В устах Петра «исправление духовного чина» означало коренную ломку устройства и жизни церкви.

Не секрет, что в те времена многие сомневались в православии и вообще в вере русского царя. Несомненно, Петр верил в Бога, но он смотрел на мир преимущественно с позиций тогдашнего рационализма. Сохранилась история о том, как однажды Петр смотрел в телескоп и был потрясен видом звездного неба. Оторвавшись от окуляра, он задумчиво произнес: «Бесконечен звездный мир, что свидетельствует о бесконечности Бога и его непознаваемости людьми. Светские науки далеко еще отстают от познания творца и его творения». Наверное, многие и теперь скажут нечто подобное.

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1839. Т. 6. С. 314.

Опасение царя, что «с него взыщется на том свете» за несовершенство церковной реформы, кажется характерным для Петра демагогичным приемом. К тогдашней реформе церкви привело две главные причины. Во-первых, среди политических противников Петра было немало церковников, не хотевших, чтобы Петр из рода Нарышкиных сидел на троне. Они были частью той «старины», которую ненавидел Петр. Отношение к ним видно в указе Петра 1698 года: певчим запрещалось появляться в Новодевичьем монастыре, где сидела царевна Софья. Тяжелым гневом дышит этот указ: «Певчих в монастырь не пускать, поют и тамошние старицы хорошо, лишь бы вера была, а не так, что в церкви поют «Спаси от бед», а на паперти деньги на убийство дают».

Монашество, ряса, клобук, епископский посох, преклонные года и общепризнанная святость не спасали людей церкви от дыбы и тюрьмы. В сыскные органы попадали священники и архимандриты, которые случайно ошибались в имени государя при возгласениях, забывали помянуть Синод, не служили в установленные государством «календарные дни», запаздывали с присягой, не признавали отмены древнего сана «митрополит», возмущались ликвидацией патриаршества. Политический сыск не считался с высоким саном церковнослужителя, даже если на него был заведомо ложный, «бездельный» донос.

Никто до Петра не выражался так резко о монашестве, не издавал указов, в которых бы все монахи поголовно обвинялись в тунеядстве и утверждалось, что люди «бегут в монастыри от податей, а также от лени, дабы даром хлеб есть». Что же стояло за этим? Старая ненависть к «старине» – символу всего враждебного Петру? Модные протестантские идеи общей пользы и всеобщей службы и труда? Конечно, среди монахов были бездельники, но было же немало праведников и святых людей. В этом-то и суть. В своем стремлении контролировать и направлять образ жизни и мышления своих подданных Петр не принимал саму идею монашества, ему была невыносима мысль, что в его государстве, где все – «государевы рабы», есть люди, независимые от него – светского

правителя, люди, живущие другими ценностями и идеалами. Задумав ликвидацию патриаршества и введение Синода, он откровенно признавался, что «от соборного правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного..., ибо простой народ не ведает», чем отличается высшая духовная власть от самодержавной, и полагает, что патриарх – «второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство, и се сам собою народ тако умствовати обыкл...». А дальше самое главное: «Тако простые сердца мнением сим развращаются, что не так на самодержца своего, яко (как) на верховного пастыря в коем-либо деле смотрят. И когда услышится некая между оными распря», то примыкают к духовному, а не к мирскому правителю и «за него поборствовати и бунтоватися дерзают». Конечно, здесь слышны отзвуки той борьбы, которая разгорелась за полстолетия до этого между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Но зачем нужно было вспоминать это событие в 1721 году? Думаю, потому, что патриаршая церковь в ее неизменном виде могла стать единственной силой, имеющей моральное право оказывать сопротивление невыносимым для русского человека преобразованиям, причем при широкой поддержке «простых сердец».

В этом истоки тотального наступления государства Петра на церковь. Более того, церковь в невиданных масштабах стала использоваться светской властью для пропаганды своих, исключительно светских деяний, а также для разнообразного контроля за подданными. Светская власть стала грубо вторгаться в дела церкви, мало считаясь с мнением православных иерархов в разных сферах управления и догматики. Так уж получилось (причем тогда не в последний раз), что при Петре миссией Русской православной церкви стало **собственное выживание**, сохранение себя во имя будущего. Достигалось это путем уступок, компромиссов, одобрения безнравственных деяний и даже преступлений светской власти. Правда, были пределы, за которые люди церкви не заходили. Так, в 1718 году церковные иерархи в

сущности отказались подписать смертный приговор наследнику престола царевичу Алексею Петровичу. Несмотря на явное давление, они все же не одобрили этого сыноубийства.

Однако в истории взаимоотношений империи и церкви была и другая, важная для будущего России и для собственно миссии церкви сторона. Так исторически сложилось, что государство в России всегда играло важнейшую роль во всех общечеловеческих, культурных и иных начинаниях. Не нужно быть этатистом, чтобы сказать: в России часто только государство являлось инициатором множества цивилизаторских, культурных начинаний. Можно смело утверждать, что без активной поддержки государства Русская православная церковь петровского времени не смогла бы выполнить свою миссию. Во многом из-за этого люди церкви были вынуждены мириться с государственной волей. Этим во многом объясняется то поведение Новгородского митрополита Иова и других иерархов церкви, которых только на неглубокий взгляд можно было бы обвинить в сервильности, приспособленчеству и трусости перед лицом жестоких преобразований Петра.

Петровская политика, при всей ее жесткости, следовании зачастую ложным, сиюминутным политическим целям, все же была в основном цивилизаторская, культуuroобразующая. Петр не был новым Аттилой или Лениным. Мечта Петра о возвышении России, укреплении ее могущества зиждилась на идеях распространения культуры, народного просвещения, вкоренения грамотности, образования, современных тому времени технологий, навыков и приемов. Христианские народы Европы, их достижения были образцом для Петра, и целью Петра было доказать им, что и мы, русские, такие же цивилизованные люди, как и они. По мысли Петра истинный сын Отечества – это образованный, воспитанный, занятый полезным делом гражданин, законопослушный, высоконравственный подданный. Для Петра нравственность могла быть только христианская, православная. Более того, он был убежден, что регулярность, вводимая им во все сферы русской жизни как некий универсальный принцип, включает в себя христианскую нравственность. Знание основ веры входило в

обязанности военных, как знание воинского устава. Петр полностью разделял мысль шведского короля Густава-Адольфа II о том, что армия – школа христианской нравственности, что дикая природа человека исправляется только дисциплиной и верой.

Важно, что распространение веры для Петра было распространением просвещения, воспитанием народа. Именно в этом Петр видел главную миссию церкви. Отсюда вполне прагматичный вывод: церковь должна просвещать народ, проповедовать христианские нормы нравственности, в том числе и послушание властям. Поэтому Петр сам занимался словом, с которым церковь обращалась к народу, составляя и редактируя проповеди. Он был ярким сторонником «говорящего», объясняющего закона, доступно поясняющего каждому, в чем польза и необходимость его введения. Духовное просвещение, считал Петр, должно исходить из того же принципа. Царь был убежден в величайшем значении живого слова – проповеди, которая не была распространена в России. В резких выражениях Петр осуждал бездумное следование церковному ритуалу, формальное служение.

Именно в просветительстве как важнейшей миссии церкви Петр находил поддержку у новгородского митрополита Иова. Фигура Иова была, пожалуй, одной из ключевых, неординарных среди нескольких десятков тогдашних церковных иерархов. Начало его жизни остается в исторической тени – мы точно не знаем, когда он родился², из каких слоев общества он вышел, какими были его светское имя и фамилия, откуда он родом. К.Я.Здравомыслов считает, что Иов происходил из сельского духовенства и родился в Балахнинском уезде, хотя доказательств своей точки зрения не

² Р. Игнатъев, подготовивший в 1853 г. публикацию материалов об Иове, писал, что митрополит умер в 1716 г. 75-ти лет от роду, то есть он родился не раньше 1641 г. Однако аргументов в пользу своей точки зрения исследователь не привел (РНБ. ОР. Ф.905. Д. 22. Л. 183 об.).

приводит³. По одной версии, духовной родиной Иова был Троице-Сергиев монастырь, где он постригся⁴, а потом, после нескольких лет (1690-1694 гг.) служения архимандритом в московском Высоко-Петровском монастыре) был в течение трех лет архимандритом Троицы перед направлением в Великий Новгород, что по тем временам не могло быть совершено без одобрения царя Петра, с которым Иов был знаком – по крайней мере известно, что Петр приезжал в Троицу, где Иов был тогда архимандритом, после завершения Второго Азовского похода 1696 года⁵. 6 июня 1697 г. Иов был хиротонисан в митрополиты и определен в Новгород. Вообще, с Троицей, ее настоятелем Сильвестра, Иов и позже, будучи уже митрополитом в Великом Новгороде, поддерживал сердечные отношения, что и видно из помещенных ниже писем к Сильвестру. Попутно заметим, что Иов обладал уживчивым характером, имел дар общения с людьми. Его переписка свидетельствует, что было немало людей, испытывавших к Иову теплые чувства, благодарных ему за поддержку, услуги, которые он оказывал им. При этом нужно отметить, что он не всегда хорошо разбирался в людях. Так, печально закончилась история его отношений с Гавриилом Домецким и Феодосием Яновским, которые оказались неблагодарными Иову людьми, несмотря на то, что были во многом ему обязаны своим возвышением. Русский по происхождению, Иов был православным по традициям церковного воспитания, но как человек образованный, умный, книголюб, он выделялся из среды тогдашних «природно-русских» церковных иерархов – людей, не оставивших после себя заметного следа ни в церковной, ни в светской истории. Сохранившиеся автографы митрополита

³ РНБ. Ф. 102. Д. 434. Л. 779. Ср.: *Здравомыслов К.Я.* Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биограф. очерки. Новгород, 1897.

⁴ Впрочем, некоторые исследователи считают, что Иов постригся в Соловецком монастыре. Отчасти это подтверждает и завещание Иова, обращенное к соловецким монахам.

⁵ *Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1890. С. 156 – 157.

свидетельствуют как о вкоренившейся привычке часто и привычно ясно выражать свои мысли на бумаге, так и о руке (а следовательно, характере) – твердой, уверенной.

Он жил в довольно сложную эпоху, когда Русская православная церковь переживала болезненный период после реформ патриарха Никона, вызвавших состояние почти гражданской войны в русском обществе, причем разногласия, поначалу внутрицерковные, перекинулись на политическую сферу, привели к расколу не только церковному, но и политическому (дело Хованских и пр.). Между тем реформа церкви, понимаемая как возвращение к ее «греческим» началам, с опалой и смертью Никона, а также казнью Аввакума и его ближайших сподвижников-старообрядцев, не завершилась. В конце XVII – начале XVIII в. внутри церкви возникла довольно оригинальная ситуация, усилилась борьба двух основных направлений. Одно из них – его называли «латинствующим» или «киево-могилянским» – олицетворяло собой один из возможных путей эволюции Русской православной церкви в сторону сближения если не с католицизмом, то с униатской церковью. В России того времени образовался весьма влиятельный крут сторонников этого направления, оказавшихся в высшей церковной элите. Это неслучайно, ибо Киево-Могилянская академия была наилучшим православным учебным заведением и давала своим ученикам (в основном украинцам, белорусам и полякам) великолепное образование, которое они пополняли также за счет длительных командировок в Европу и особенно в Рим. Сила сторонников «латинской учености» в Русской православной церкви зиждилась на мощном идейном наследстве, прекрасном знании выходцами из Киева богословской науки, на их проповедническом и писательском даровании, и на... поддержке власти. Если люди этого направления (вроде Сильвестра Медведева, тесно связанного с Софьей и ее кругом) после падения в 1689 году царевны Софьи сошли с церковной и политической арены, то им на смену уже в петровское время пришли другие выпускники Киево-Могилянской академии, не менее талантливые. Среди этих новых лиц стоит упомянуть Феодосия Яновского и Феофана Прокоповича. Они же

пришлись ко двору Петра, ибо поддерживали его стремление полностью подчинить управление церковью светской власти. Они стояли у истоков синодальной реформы Петра в 1720-х гг.

Митрополит Иов не дождался до этого времени, но до самой своей смерти в 1716 году он был сторонником как раз «греческого» направления в реформировании церкви. Суть этого направления, естественно вытекавшего из никонианской реформы, состояла в обращении к греческой, византийской церковной традиции, к первоисточнику (прежде всего – книжному) православия. Отсюда и столь дорогие Иову идеи нового перевода Библии и других священных книг прямо с греческих оригиналов, отсюда и поддержка братьев Лихудов и вообще ученых греков – учителей и переводчиков.

Как можно видеть по воспроизведенному в Приложении отрывку из Новгородской III летописи, митрополит Иов прибыл в Великий Новгород 27 сентября 1698 г. По традиции он был торжественно встречен местными церковниками и прихожанами. Его служение протекало в обычном для митрополита ключе: многочисленные дела по управлению обширной метрополией, охватывающей весь Северо-Запад, где были сотни церквей и множество знаменитых монастырей. Заметным событием в период его служения стал перенос в 1699 году мощей святого Иоакима Корсунянина, а также восстановление храма Знамения Божией матери. Отметим Иов свое служение основанием, а затем и освящением в 1705 году нового храма – церкви Луки-евангелиста. При нем же поновляли живопись Софийского собора. Эту работу исполнял иконописец священник Георгий Тихвинец, авторству которого приписывают знаменитый образ Тихвинской Божией матери.

Как и положено духовному вождю, митрополит Иов боролся, как мог (с помощью молитв, крестных ходов), с пожарами, наводнениями, «моровыми поветриями» (среди которых самой страшной была чума). Как сообщает Р.Игнатьев, в 1700 году эпидемия приблизилась к Новгороду и в Бронницах было уже множество умерших. Иов предложил пастве строгий пост, причем по средам и пятницам пост был сухим – без воды. На это время все рынки в городе были закрыты. Благодаря действиям Иова эпидемия

миновала Новгород⁶. В 1709 г. произошло не менее яркое событие - в Новгороде произошел большой пожар, начавшийся на Торговой стороне, близ Знаменского собора. «В это время митрополит шел с крестным ходом из Софийского собора, чтобы молить Бога о утишении пожара, но, увидя опасность, тотчас разоблачился и с самоотвержением пошел сам в огонь, помогая народу тушить и ломать дома, примеру его последовало и сопровождавшее его духовенство, и благоразумными распоряжениями Иова было прекращено дальнейшее действие пожара. Уже ночью, по словам летописца, доблестный архипастырь с народом пел благодарственное молебствие в Знаменском соборе»⁷.

После этого можно поверить словам Д.Бантыш-Каменского, который писал, что сразу же после разгрома русской армии под Нарвой в ноябре 1700 г., когда над Великим Новгородом нависла смертельная угроза, митрополит Иов «вышел в простом платье, с лопатой, начал копать землю и тем водворил спокойствие»⁸. В этих поступках, несомненно, видна личность Иова – человека активного и чуткого к общественному мнению и действию. Конечно, Иов принадлежал к числу той генерации русских православных священников, для которой первенство светской власти, со времен иосифлянства, не подлежало сомнению. Неудивительно, что Иов поддерживал всегда хорошие отношения с царем Петром, что было непросто для церковного деятеля тех времен. В отличие от других церковных деятелей той эпохи Петр доверял Иову, и письма царя (а следом – и его окружения) к Иову проникнуты духом уважения и почитания, лишены оттенка привычного Петру пренебрежения к духовному сану, иронии или глумства. Со своей стороны, Иов неоднократно показывал царю свою лояльность, терпимость и понимание обстоятельств, в которых оказался Петр в начале Северной войны, о чем свидетельствует эпизод с появлением Иова

⁶ РНБ. ОР. Ф. 905. Д. 22. Л. 188 – 188 об.

⁷ Там же. Л. 188 об.

⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч. 2. С. 439-440.

среди строителей на валу Новгорода. Напомню также, что когда Петр после Нарвского поражения бежал в Новгород, Иов оказал посильную помощь царю и с его именем связаны такое знаковое и памятное навсегда в истории России событие, как снятие части колоколов для нужд обороны. Как известно, эта мера не особенно сильно повлиявшая на развитие артиллерии и на колокольный звон, оказалась памятной и символичной. Ее можно было расценить как проявление самодержавной воли царя, мало считавшегося с традициями, но на нее можно было посмотреть иначе: как на готовность Иова и вообще церкви всем пожертвовать во имя блага России. Это не забывалось. Недаром он был рядом с царем в торжественные дни его правления: освятил закладку Петербурга весной 1703 года и Кронштадта весной 1704 года.

Иов был в рядах тех церковных деятелей, которые видели важнейшую миссию церкви в борьбе с так называемыми «раскольниками» или старообрядцами. Именно в этом направлении церковью были приложены гигантские усилия, затрачены огромные средства. Кстати, Петр, верный принципам прагматизма, не настаивал на крайних, жестоких формах борьбы с раскольниками. Масштабность и жестокость этой борьбы определяли сами высшие церковные деятели, которые выступали в роли инквизиторов. Иов, автор полемического трактата в ответ на старообрядческое сочинение «О рождении антихриста»⁹ и обращений к пастве с призывами не поддаваться «раскольническим прелестям», как и другие деятели церкви, выполнял инквизиторские обязанности, содержал в церковной тюрьме старообрядческих проповедников. В 1710 году был схвачен один из вождей старообрядчества в Каргопольском уезде Семен Денисов. Согласно старообрядческой «Истории Выговской пустыни», митрополит Иов предписал привести старца к себе и «нача его своим учением ласкати к своей никонианской вере и увещевати. Оной же Семион мужественно ему отвещеваше от писания за древлецерковное

⁹ Иов, митрополит. О рождении антихриста. М., 1707.

благочестие крепко стояше, и во всем ему ответ противо его допросов отдаваше смиренным гласом, и полагаше ему ясны и многия свietельсва из книг старопечатных и от чудесных образов о крестном знамени как повелено от самого Спаса Христа рукою двема персты крестится и священником благословляти и о трисоставном кресте, и о проскомидии на просфорах трисоставнаго креста, и о имени Иисусове и о сугубом аллилуйя, и о прочих пременах Никоновых и новинах ясно сказоваше неправое их мудрование». Здесь описывается один из привычных для того времени «диспутов», когда церковный иерарх, удобно расположившись в кресле, пытается переспорить, обратить в «истинную» (или «никонианскую») веру стоящего перед ним (а то и подвешенного на дыбе) изможденного, в цепях, но уверенного в своей правоте старообрядца. И этот спор Иова с Семеном ни к чему не привел, ибо, по мнению старообрядческого автора, «митрополит... не зряше истинны»¹⁰. Для Иова, как и для Феодосия Яновского, Феофана Прокоповича, Питирима Нижегородского и других гонителей старообрядчества, миссия церкви однозначно состояла, прежде всего, в победе над расколом. При этом следует подчеркнуть, что без могущества государства церковь никогда бы не справилась со старообрядчеством, имевшим могучие корни в тогдашнем обществе. Более того, все приемы инквизиторского процесса были полностью скопированы с политического процесса. Нечеловеческие пытки, казни (в том числе – тайные) раскольников – обычная картина тех лет. В петровское время, благодаря почти исключительно инициативе иерархов церкви, законодательство о старообрядцах имело неуклонную тенденцию к ужесточению. Применялись массовые облавы на старообрядцев в лесах, подобные охотам на диких зверей. Петровское время прошло под знаком - без преувеличения - тотального преследования старообрядцев. Они были поставлены за грань человеческого и гражданского

¹⁰ Тихомиров П.И. Митрополит Иов // Новгородские епархиальные ведомости. 1900. № 4. С. 223.

сообщества, стали изгоями. Им запрещали быть в мирских должностях, свидетельствовать в суде, их нельзя было приводить к присяге, им не давали издавать, переписывать, хранить книги, читать и писать. Мужчинам предписывали носить повсюду одежду с нашитыми красными четырехугольниками – «kozyрями», а женщинам – позорные шапки с рогами. Жесткие методы борьбы с расколом приводили к многочисленным саможжениям – гарям, способствовали фанатизму старообрядцев, что вело их к идейному застою, окрашенному эсхатологическими цветами.

Дело Иова, Питирима, Феодосия и Феофана продолжили чиновники специального Сысного приказа. Там была налажена страшная система мучений и пыток – даже более жестокая, чем в светском сыске. Лишь со времен Екатерины II можно говорить об ослаблении репрессий государства и церкви против старообрядцев.

Но все-таки самой яркой стороной деятельности Иова в Великом Новгороде стала его просветительская деятельность, благодаря которой он оставил яркий след в истории русской культуры. В организации системы образования, просвещения борьба с невежеством во всех его формах для Иова, как и для Петра, была одним из важнейших аспектов преобразований церкви. При этом Иов на этом пути шел дальше, чем можно было ожидать от традиционного церковного деятеля «незападнического» строя мыслей. При этом в своих инициативах новгородский митрополит тонко использовал обстановку и дух начавшихся преобразований, уловил общий просветительский ход мыслей Петра. Начало «просветительского похода» Иова относится к апрелю 1702 года, когда он обратился к братьям Лихудам с просьбой посодействовать в приглашении в Новгород для организации там греческой школы известного преподавателя – профессора Севаста Киминитиса, жившего тогда в Бухаресте. Слава о достоинствах этого ученого дошла до Новгорода. Однако Киминитис умер в том же 1702 году. Как справедливо отмечала И.А.Воскресенская, необходимо оценить «замах» новгородского митрополита, который собирался пригласить не просто учителя, а знаменитость, выдающегося

профессора¹¹. Делалось это явно с целью организовать в Великом Новгороде не обыкновенную церковную школу, а высшее учебное заведение и, в сущности, противопоставить его Московской академии, хотя в письмах Иов писал, что «Москва и Новград един держава Божия». На самом деле в инициативе Иова отразился очередной этап борьбы «латинской» и «греческой» группировок высшего духовенства. К этому времени Московская академия была реорганизована по образцу Киевской академии, которая, в свою очередь, копировала устройство иезуитских школ (коллегиумов) с присущей им системой преподавания предметов. Итак, первоначальный замысел Иова не удался: с приглашением Киминидиса ничего не получилось, а братья Лихуды оказались в ссылке в Костроме, где их заточили в знаменитый Ипатьевский монастырь. Но спустя несколько лет, в 1706 году, Иов сумел добиться главного – разрешения царя Петра на переезд в Великий Новгород братьев Лихудов.

Братья Иоанникий и Софроний Лихуды были яркими личностями той эпохи. Греки, потомки византийских аристократов, князья по происхождению, они получили образование в Падуанском университете, стали там докторами наук, прославились своими теологическими и литературными произведениями, а также проповеднической деятельностью. Люди образованнейшие, олицетворявшие саму «греческую ученость», Иоанникий и Софроний Лихуды пользовались авторитетом в православном мире Османской империи, им покровительствовал константинопольский патриарх Досифей, тесно связанный с Москвой. Именно по его инициативе братья Лихуды, уже на склоне лет, вместе с сыновьями старшего из братьев Иоанникия (Анастасием и Николаем) приехали в Москву весной 1685 года для преподавания во вновь образованной там греческой школе. Как и большинство церковных деятелей того времени, Лихуды отличались острым полемическим даром, умением и страстным желанием вести богословские споры и подавлять противника силой своей аргументации (а при ее

¹¹ Вознесенская И.А. Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. СПб. 2005. Вып. 10 (20). С. 205.

недостатке и силой своего кулака). Немудрено, что они вскоре ввязались в кипевшие в Москве, растревоженной расколом, теологические споры, в частности в бесконечную дискуссию об евхаристии. Участие в полемике им впоследствии весьма повредило. В 1687 году они перешли из греческой школы во вновь построенные Спасские школы, где обосновалось новое учебное учреждение – в сущности, первый русский университет – Славяно-греко-латинская академия. В 1688 г. Иоанникий отправился послом в Венецию, где пробыл два года, а Софроний продолжал преподавать грамматику и риторику в Москве. Однако теологические споры Лихудов со сторонниками «латинщиков» во главе с Медведевым, который ревниво относился к успехам и влиянию греческих учителей Академии, сильно повредили братьям. К тому же у Лихудов испортились отношения с прежде покровительствовавшим им патриархом Досифеем, который стал уговаривать московские власти удалить из Москвы этих, как он считал, корыстолюбивых, вредных интриганов. Лихуды были вначале удалены из Академии, стали преподавать итальянский язык в Типографии, а в 1701 или в самом начале 1702 года были отправлены в Ипатьевский монастырь. Оттуда-то они и приехали в Новгород к Иову.

Примечательно, что митрополит Иов был человеком весьма широких взглядов, никогда не слыл «твердокаменным» сторонником только «греческого» направления, которого в целом придерживался. В «латинстве» – польско-украинской церковной учености – он видел источник знаний и церковного совершенствования, хорошо понимал значение тех успехов, которых достигли киево-могилянские духовные отцы, и стремился использовать их на благо церкви. Еще до приглашения Лихудов он позвал в Новгород типичного «латинщика» – Гавриила Домецкого, архимандрита московского Симонова монастыря, автора оригинального «Келейного устава»¹². За свои взгляды Домецкий был заточен в монастырскую тюрьму, в которой просидел десять лет и

¹² Евгений, митрополит (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. М., 1995 (репринт). С. 57.

был освобожден благодаря усилиям Иова. В Новгороде он стал архимандритом Юрьева монастыря. Выпускник Киево-Могилянской академии, Домецкий был откровенным западником. Надо предполагать, что приглашение Домецкого было обусловлено намерением Иова открыть латинский класс в задуманном митрополитом Новгородском училище. Устроившись под опекой Иова, Домецкий, как писал Сменцовский, «начал действовать в пользу латинской науки»¹³, имея в виду защиту Домецкого перевода Библии с латинского языка. С ним стал полемизировать московский инок Евфимий, который доказал превосходство греческой Библии над латинской, называя латинскую ученость еретической. Иов, стремившийся к равенству сторон в споре (и это характеризует его мировоззрение), передал присланную ему рукопись Евфимия Домецкому, который написал ответ. В нем он обвинял Евфимия и ему подобных в дремучем невежестве, отвергал обвинения Евфимия относительно еретичества «латинской учености», писал о ее успехах и широком распространении в Украине. В конце сочинения Домецкий призывал Иова: «...подобает Вашему архиерейству ... прилежно рассмотри, яко премудру и духовну мужу и возбранити тем, которые такая письма, от неискусства переводя, приносят вашей святыни, дабы не навели на твое архиерейское лице от ученых негодования и от Церкви всякаго подзора»¹⁴. Чуть позже, в 1704 году, Домецкий написал новое сочинение - «Опровержение на книгу Остен». В нем он опять резко обрушился на Евфимия и на других сторонников греческого направления и там же «озлословил» Лихудов. Сочинение Домецкого встретило протест русского духовенства во главе с иеродиаконном Дамаскином, который написал сочинение «105 ответов» на книгу Домецкого. Как и творение Домецкого, ответы Дамаскина предназначались Иову, в котором стороны видели главного арбитра. Обращаясь к новгородскому

¹³ Сменцовский М. Братья Лихуды. Опыт исследу просвещения и церковной жизни конца XVII и на 334.

¹⁴ Сменцовский М. Указ. соч. С. 337.

митрополиту, Дамаскин призывал его отказать в доверии «латинщику» Домецкому, а «сыскати себе греческих преводников и писцов и увидиши чудо преславно, узриши бо какая полнота писаний обретается в еллинском языке и несть нам нужды до латинников никоея же, можно и преможно нам бытии без них, всеу льстят нас они – не Бог посылает их на нас, но сатана на прельщение, а не на исправление»¹⁵.

Взвесив аргументы сторон, да еще, по-видимому, учтя неистовый характер Гавриила Домецкого, как будто стремившегося к конфликту, Иов склонился на «греческую» сторону, следствием чего и стал вызов в Новгород братьев Лихудов.

Создается впечатление, что ко времени приезда братьев Лихудов все было готово к открытию школы: для нее было подготовлено здание на Владычном дворе в новгородском кремле (позже оно стало называться Лихудовым корпусом) и призваны более сотни учеников из духовного чина (в основном дьячки, пономари, подьяки, позже – дети разночинцев)¹⁶. Школ, собственно, было две: низшая – «Славянская школа» и высшая – «Греческая школа». В первой преподавали ученик Лихудов Федор Герасимов и монах Савватия, приехавший следом за Лихудами. В греческой, более продвинутой школе преподавали сами братья Лихуды. Приехали в Новгород и другие сторонники и ученики Лихудов, а спустя несколько лет часть преподавательской работы взяли на себя наиболее успешные старшие ученики Лихудов из Новгорода.

Школы делились на «классы», сидевшие, как тогда было принято, в одном помещении. Как преподавали в школах, подробно описывает И.А.Вознесенская¹⁷. Одежда, питание и все необходимые для учащихся принадлежности покупались за счет митрополита. Между тем Новгородская епархия была пограничной, попала в зону военных действий со шведами и вообще много претерпела в первые годы Северной войны; ее население жестоко облагалось

¹⁵ Сменцовский М. Указ. соч. С. 339.

¹⁶ Вознесенская И.А. Указ. соч. С. 211–212.

¹⁷ Там же. С. 215–219.

различными налогами и повинностями, и, тем не менее, Иов находил средства для своего детища. Неслучайно им восхищался Димитрий Ростовский, пытавшийся организовать училище в Ростове, но из-за нехватки на него денег был вынужден распустить учеников.

Открывая школу в Великом Новгороде, Иов думал не только о распространении просвещения среди духовенства. Он стремился сделать свою школу и людей, собранных им вокруг нее, подлинным интеллектуальным духовным центром, противостоящим Москве и занятым важнейшей тогда переводческой и книгопечатной деятельностью. Как известно, Лихуды были не просто талантливые преподаватели, но и хорошие переводчики, плодовитые писатели. Переводческое искусство Лихудов высоко ценилось Иовом, и поэтому неслучайно в том же 1706 году новгородский митрополит поставил перед царем вопрос об исправлении славянского текста Библии, а фактически - о новом ее переводе с греческого языка силами как раз братьев Лихудов. В 1707 году Иов пытался вывезти из Москвы дворцовую, так называемую Верхнюю типографию, основанную Семеоном Полоцким, с тем, чтобы сделать Новгород центром церковного книгопечатания. Митрополичья библиотека (более 300 книг на нескольких языках), принадлежавшая Иову, обеспечивала возникший в Новгороде центр книгами, причем часть этих книг была передана в школу¹⁸. Кроме того, Иов постоянно хлопотал о пополнении библиотеки новыми книгами.

Довольно быстро в Москве, прежде всего в окружении местоблюстителя патриаршего престола митрополита Рязанского Стефана (Яворского), поняли значение новгородских инициатив митрополита Иова и постарались не допустить реализации всех его

¹⁸ Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 257-258; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1 (1542-1721). С. LXXXIII - XCIX; Вознесенская И.А. Указ. соч. С. 220-221; Григорьева И.Л., Салоников Н.В. Библиотека Новгородской духовной семинарии. 1706-1725 г. // Чело: ист.-лит. альм. Великий Новгород, 2000. № 1. С. 76.

планов. Софрония Лихуда, поехавшего в Москву за Верхней типографией, оставили, несмотря на возражения и просьбы Иова, в Москве преподавать в заново открытой греческой школе. В 1716 году туда же перебрался и Иоанникий, который, правда, вскоре умер. Верхнюю типографию, несмотря на усиленные просьбы Иова к разным влиятельным лицам, так и не отдали в Новгород, перевод Библии сосредоточили в Москве, оживилась и работа Славяно-греко-латинской академии.

Известно, что Иов был опытным царедворцем. Публикуемые ниже письма его к Петру, Екатерине, супругам Меншиковым, другим сановникам – яркое тому свидетельство. Он умел ладить с сильными мира сего и благодаря этому смог многого от них добиться. А это было непросто – Петр не любил попов, многие из них в его глазах запятнали себя поддержкой Софьи и ее сторонников. Иов был, пожалуй, в стороне от этого и на какое-то время оказался самым влиятельным иерархом церкви. Известно, что он единственный получал сообщения Петра о победах – а круг такой рассылки был весьма ограничен. И тем не менее в начатом деле по «перетаскиванию» центра духовной жизни в Новгород его постигла неудача. Великий Новгород так и не стал центром церковной учености России никогда. Причин неудачи Иова было несколько. Во-первых, Иов в момент начала деятельности Новгородской школы был уже на склоне лет, он много болел, часто испытывал недомогание, особенно в последние годы, когда стал проситься на покой. Он умер 3 февраля 1716 года и погребен в Мартирьевской паперти Софийского собора Великого Новгорода.

Во-вторых, митрополит, помимо обычной пастырской службы, был загружен массой текущей работы по управлению епархией. А ее территория – за счет петровских завоеваний – резко расширилась, и всё, что вошло в состав епархии (прежде всего Ингрия), нужно было, говоря церковным языком, окормлять – посылать в новозавоеванные города священнослужителей, церковную утварь и богослужебные книги. Нужно было, по воле царя, ездить и в новую столицу – Петербург. Повторим, что Иов

освятил закладку Петропавловского собора в крепости на Заячьем острове в Петров день, 29 июня 1703 года. Именно с этого дня и появляется название города – Санкт-Петербург. В-третьих, Петр, безусловно уважавший Иова, ценивший его как лояльного ему церковного деятеля, книжника, поддерживавший начинания Иова, смотрел на его начинания с иных, чем Иов, позиций, исходил из иных – общегосударственных и светских – интересов. Так, он приветствовал организацию Иовом благотворительных учреждений – домов престарелых и незаконнорожденных, «подкидных младенцев». Но в этом начинании царь усмотрел, как ему казалось, важное для пользы государства начало. Известно, что царь, как и Иов, стремился переломить свойственное тогдашнему обществу пренебрежительное отношение к bastardам, которых сразу после появления на свет несчастные матери, боявшиеся позора, топили, душили, бросали в отхожие места, оставляли на морозе. Начиная это важное дело, Иов исходил из идеи гуманизма и христианских норм. Но эта мера полностью укладывалась в представления Петра, считавшего, что незаконнорожденные дети – такие же солдаты и подданные России, как и законнорожденные, а внебрачные связи – эффективный способ прироста населения, что сам царь веско демонстрировал на личном примере. Царь считал, что таких младенцев нужно принимать, воспитывать, делать из них полезных государству подданных. Начинания Иова по организации богаделен, гостиниц и больниц для немощных в Колмовом монастыре на Волхове были не просто одобрены Петром, а стали в некотором смысле образцом. В начале 1712 года Петр дал Сенату указ: «По всем губерниям учинить шпиталеты для самых увечных, таких которая ни чем работать не смогут, ни стеречь, также и зело перестарелым, также прием незазрительной и прокормление младенцем, которые не от законных жен раждены (дабы вящего греха не делали сиречь убийства) по примеру новгородского архиерея»¹⁹. В том же году царь определил на расходы госпиталей в Колмогоровом монастыре половину дохода с монастырских вотчин, расположенных в

¹⁹ ПБП. Т. 12. Вып. 2. М., 1977. С. 23.

Заонежье. Благотворительная деятельность Иова, поддержанная царем, стала примером для других сановников. Новгородский ландрихтер Я.И.Римский-Корсаков, тесно связанный с Иовом, устроил особую больницу и гостиницу в Знаменском соборе. В 1715 году Петр приказал пристроить к гостиницам бани, поварни и покои на казенный счет, дали пожертвования на это дело царские родственники и семья Меншикова²⁰. В некотором смысле в Новгороде был поставлен удачный эксперимент по тому, что ныне называется «социальной защитой». И этот успех Иова навел царя на мысль превратить в будущем монастыри по всей стране в богадельни и тем самым в корне изменить жизнь русского монастыря, так сказать поставить монастырь на службу светскому отечеству. Естественно, Иов наверняка возражал бы против этого начинания, изменявшего суть монастырской жизни.

Далее. Одобрив усилия Иова в области книгопечатания и переводов, царь не собирался превращать Новгород в новый центр духовности. В конечном счете ему было неважно, где будут переводить и печатать Библию – в Москве или Новгороде. Главное, чтобы это нужное государству дело делалось «не мешкав, без отговорок». 14 ноября 1712 года появился указ о назначении комиссии по пересмотру Библии в составе Стефана, Софрония Лихуда, архимандрита Заиконоспасского монастыря Феофилакта (Лопатинского), Ф.П.Поликарпова и монаха Феолога²¹. Иова среди них не было. Кажется, что немалую роль в сохранении за Москвой роли книжного центра сыграл директор Типографии, переводчик, писатель и довольно хитрый царедворец Федор Поликарпов, имевший влияние на начальника Монастырского приказа графа И.А.Мусина-Пушкина²².

²⁰ Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч. С. 439–440.

²¹ Тихомиров П.И. Указ. соч. № 3. С. 172.

²² Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715-1717 // Русский архив. 1868. Стб. 1041 - 1057.